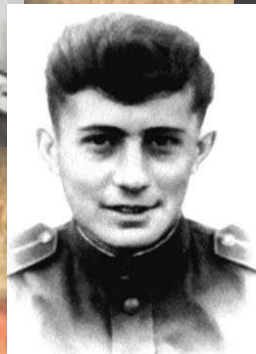

Писатели-фронтовики о войне

Проза, опалённая огнём...

Воробьев Константин Дмитриевич

(1919 – 1975)

В октябре 1941 года Воробьев с ротой кремлевских курсантов отправился на фронт. В боях под Москвой рота была полностью уничтожена, Воробьев попал в плен. С декабря 1941 по август 1943 он прошел через Ржевский, Клинский, Смоленский, Каунасский, Саласпилский и Шауляйский лагеря военнопленных. Дважды бежал. С сентября 1943 года по август 1944 года командовал отдельной партизанской группой, состоявшей из военнопленных, бежавших из лагерей. В 1943-м, в подполье, написал автобиографическую повесть "Это мы, Господи!.." и буквально зарыл в землю. Напечатана она была лишь сорок лет спустя, после смерти автора, случайно обнаруженная в архиве журнала "Новый мир".

До этого в 1962 году вышла повесть "Крик" о первых месяцах войны, а в 1963-м личным решением Твардовского были опубликованы "Убиты под Москвой", вызвав, по словам Солженицына, "бешеную атаку советской казённой критики".

«Все его существо противилось тому реальному, что происходило, – он не то что не хотел, а просто не знал, куда, в какой уголок души поместить хотя бы

временно и хотя бы тысячную долю того, что совершалось, – пятый месяц немцы безудержно продвигались вперед к Москве...

Это было, конечно, правдой, потому что... потому что об этом говорил сам Сталин. Именно об этом, но только один раз, прошедшим летом. А о том, что мы будем бить врага только на его территории, что огневой залп нашего любого соединения в несколько раз превосходит чужой, – об этом и еще о многом, многом другом, непоколебимом и неприступном, Алексей – воспитанник Красной Армии – знал с десяти лет. И в его душе не находилось места, куда улеглась бы невероятная явь войны.»

Бакланов Григорий Яковлевич

(1923 – 2009)

В начале войны со школьной скамьи ушел в армию добровольцем. В 1941 – 1942 годах красноармеец артполка, затем окончил 2-е Ленинградское артиллерийское училище, после чего воевал на Юго-Западном, 3-м Украинском фронтах командиром взвода, начальником разведки артдивизии, участвовал в Яско-Кишиневской операции, в освобождении Румынии, Болгарии, взятии Будапешта и Вены. В боях был ранен и контужен.

Самые известные произведения о Великой Отечественной войне Григория Бакланова – роман «Июль 41 года» и повесть «Навеки – девятнадцатилетние». Написанные в жанре «окопной» прозы, эти тексты отличаются беспощадной прямоотой и неприкрытой правдой.

«Я видел войну снизу, из окопа, оттуда, откуда видело ее большинство народа, - солдаты, сержанты, младшие офицеры, те, на кого история давила своим самым тяжким колесом. Там я почувствовал и понял, что такое война для человека и человечества. Поэтому я бы не смог писать войну как стратегическую операцию, как стрелы на карте: я знаю из кого и как составляются эти стрелы. И я видел, что война была разной для разных категорий людей. Там, на фронте, заложились основы тех нравственных представлений, которые определяют мое отношение к жизни, к людям и которые, надеюсь, отразились в моих книгах.»

Курочкин Виктор Александрович (1923 – 1976)

«Я с отцом остался в осажденном Ленинграде. Работал на заводе шлифовщиком. В конце января 1942 года умерли отец и тетка, у которой мы жили. Я остался один. В апреле 1942 года я эвакуировался в Ульяновск и стал курсантом 1-го Ульяновского танкового училища.

В мае 1943 года мне присвоили звание лейтенанта, и я уехал на фронт. Участвовал в боях на Курской дуге, за Киев, Львов. Форсировал Днепр, Вислу, Одер. В первых числах февраля 1945 года был ранен.»

«Это не литература, говорящая о жизни, но жизнь, говорящая о самой себе.» А вот что сказал о повести поэт и прозаик Александр Яшин в письме Виктору Курочкину: «С моей точки зрения, Ваша книга станет в ряд лучших художественных произведений мировой литературы о войне, о человеке на войне. К тому же это очень русская книга... Читал я Вашу книгу и ликовал, и смеялся, и вытирал слезы. Все удивительно тонко, достоверно, изящно, умно. И все - Ваше, я не почувствовал никаких влияний. А это очень дорого...»

«Он никак не мог представить себе все это реальностью. Так же как не мог понять, как он стал героем. Ведь он и не думал о героизме, когда бежал впереди самоходки, когда стрелял по фашистским танкам. Просто так надо было делать.»

Астафьев Виктор Петрович

(1924 – 2001)

«Я воевал рядовым бойцом в составе 92-й артиллерийской бригады и в последний раз был ранен в Польше, под крохотным, но старинным городом Дуклой... Положив здесь 85 тысяч жизней, снова попустились наши генералы дерзким замыслом и двинули войско добиваться удачи в другом месте. Там, в Карнатах, и я, мелкая песчинка в громадной буре, кружился и упал на твердую прикарпатскую землю...»

«О войне писать трудно. Особенно тем, кто был непосредственно в окопах, на передовой линии, в пекле смертоносного огня. Воскрешая в себе войну, фронтовик вынужден пережить ее вновь, а это процесс не только трудный, но и болезненный, для раненных и контуженных на войне в особенности.»

В этой книге собраны военные произведения Виктора Астафьева: одна из ранних повестей «Где-то гремит война», «Пастух и пастушка», работа над которой продолжалась в течение двадцати лет, а также «Весёлый солдат» - текст, написанный спустя более полувека после того, как отпраздновали Великую Победу. Это - война глазами одного из крупнейших русских писателей, его опыт, его правда, выстраданная, по словам автора, не за столом, а всей его жизнью и кровью.

Это лепта, которую Астафьев внёс в литературу, «достойную того страшного, мир сотрясшего и переверотившего события, каким была прошлая мировая война».

Гранин Даниил Александрович

(1919 – 1951)

«Я с первых дней ушел в дивизию народного ополчения. И открылась новая часть жизни, к которой так же, как и я, так и все вокруг меня не были готовы. Наша дивизия существовала недолго – с июля по сентябрь 1941 года, но она сумела задержать врага на дальних подступах к Ленинграду. Бои были тяжелые, потери большие, это было самое жаркое, самое долгое и страшное лето в моей жизни.

Воевать пришлось в разных частях. В 1943 году меня послали на курсы танкистов в Ульяновск. На тяжелом танке ИС мы шли по Восточной Пруссии. Закончил войну командиром танковой роты в звании капитана.»

«Вся блокада Ленинграда шла у меня как бы за спиной, поскольку всю зиму 1941/42 г. и лето 1942-го сидел я в окопах у Пулковско. Тогда я ни о чем не писал, нельзя было, да и не думалось о будущем, единственная мечта была дожить до победы, увидеть ее. Можно сказать, что главная моя война прошла здесь, под Ленинградом, это была тяжелая война – голодная, земляная, долго без радостей наступления. И кажется теперь непонятным, как можно было такое выдержать.»

Быков Василий Владимирович

(1924 – 2003)

«Великая Отечественная война захватила меня летом 1941 года на Украине и позже привела меня в Саратовское пехотное училище. После его окончания в должности командира стрелкового взвода, взвода автоматчиков и взвода противотанковой артиллерии воевал до конца войны.» Был дважды ранен, мать Быкова в 1944 году получила «похоронку».

Раскрывая причины своего обращения к теме партизанской войны, он писал: «Извечная тема «выбора» в партизанской войне и на оккупированных территориях стояла острее и решалась разнообразнее, мотивированность человеческих поступков была сложнее, судьбы богаче, зачастую трагичнее. Вообще элемент трагического, всегда являющийся существенным элементом войны, проявился здесь во всю свою страшную силу.»

Владимов Георгий Николаевич

(1937 – 2003)

Родился 19 февраля 1937 в Харькове в учительской семье. Учился в ленинградском Суворовском училище. В 1953 окончил юридический факультет Ленинградского университета.

Метафора и достоверность, литературный талант, проникновенно-элегический лиризм и скрытая обличительная мощь определяют ту манеру письма Владимирова, которая в наибольшей мере проявится в его повести о караульной собаке «Верный Руслан» (опубл. в 1975 в ФРГ; в 1989 в СССР), где в рассказе о бескорыстном и преданном охраннике советских лагерей возникает постоянная для писателя тема трансформации лучших человеческих качеств в трагическое «аутсайдерство», бесприютность, ощущение собственной ущербности или ненужности в современном изощренном и лживом мире, в неестественном и антигуманном общественном устройстве.

В 1994 был опубликован роман «Генерал и его армия» (московская литературная премия «Триумф», 1995), посвященный истории войска генерала А. А. Власова.

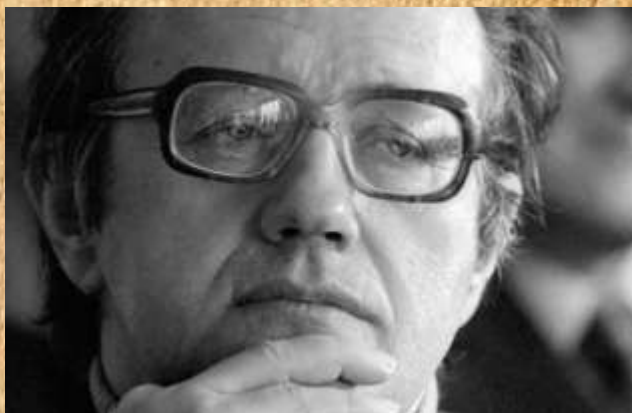

Роман известного российского писателя, публициста, правозащитника Георгия Владимова «Генерал и его армия» критики не даром сравнивают с такими масштабными произведениями в нашей литературе, как «Война и мир» Толстого или «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Это произведение - глубокое исследование не только истории Великой Отечественной войны, но и той цены, которую пришлось заплатить за победу. Одна из важнейших тем, которые поднимает при этом писатель, - нравственная целостность человека и его достоинство в самые тяжелые для родины времена.

«Французская революция написала: «свобода», «равенство», «братство» — и рубила головы, ничуть не опасаясь всеобщего разочарования. А у них — еще проще. Они свой лозунг укоротили до одного слова, но зато могут его написать громадными буквами. Только одно: «равенство». Все остальное — ерунда. «Свобода» — на самом деле никому не нужна, люди просто не знают, что с нею делать. «Братство»? Его нет в природе, нет в животном мире, почему бы ему быть в человеках? А вот равенство — это вещь. Мне плохо, но и тебе тоже плохо — значит, нам обоим хорошо. У меня мало, но и у тебя не больше — значит, у нас много! За это и умереть можно. И никаких жизней не жалко. Ни своей, ни тем более — чужих.»

«Да вся история России, может статься, другим руслом бы потекла, если б отказывались мы есть и пить со всеми, кого подозреваем. А может, на том бы она и кончилась, история, потому что и пить стало бы не с кем, вот что со всеми нами сделали.»

Адамович Алесь Михайлович (1927 – 1994)

«Человек способен на многое, на очень многое, но как это горько, что жизнь снова и снова требует от него немислимых жертв.»

В автобиографии Адамович рассказывал о своей военной судьбе: «С 1928 жили в рабочем поселке Глуша на Бобруйщине, там застала война, прошли через подполье, которое в Белоруссии было в каждом селении, если там не стояли партизаны. А с 3 марта 1943 года воевал рядовым партизанского отряда имени Кирова.»

«Что могло остудить его боль, если перед глазами у него пожарище, где живьем сгорели мать, сестрички, все жители деревни. Более 8300 человек убито, сгорело в белорусских Хатынях».

«У каменного старика, того, что держит убитого мальчика, ладонь, пальцы прострелены. Я не знаю, видят ли это зрячие. Я видел не раз после войны. Почти у всех, кого расстреливали вместе с детьми и кто при этом случайно остался жив, рука изуродована. Та, которой закрывали, прижимали к земле голову ребенка.»

«Но у некоторых раненых взгляд, глаза неправдоподобно спокойные, сосредоточенные. Это умирающие. Они умрут независимо от того, как окончится этот неправдоподобный бой. Когда смерть подступила к человеку и уже не уйдет, он остается один. Сколько бы и кто бы ни был рядом.»

«Что и говорить, после всего, что плыло по реке истории, низовья загажены изрядно, чем только не занавожено русло. И все же исток всегда чист. Но надо, чтобы как можно больше людей осознали наконец смертельную угрозу загрязнения не одной лишь природной среды, но и человеческих душ. Конечно, привычнее спускать ядовитую грязь в реки и озера. Быстро и дешево!

И еще привычнее иметь не граждан, не людей, а налитых фанатической бурдой крестоносцев, штурмовиков, хунвэйбинов, суперменов. Быстро, кратчайшим путем, дешево с их помощью решаются дела государственные и всякие иные.»

Васильев Борис Львович

(1924 – 2013)

В начале войны красноармеец комсомольско-истребительного батальона 16-й армии Западного фронта, участник Смоленского сражения и битвы за Москву. *«На фронт я попал, едва окончив десятый класс. 8 июля 1941 года. А 9 июля, было это под Оршей, мы, бойцы истребительного*

батальона, задачей которого была борьба с диверсантами, вышли на свое первое задание в лес.

И вот там среди живой зелени лесной поляны, такой мирной в своей тишине, ароматах нагретой солнцем хвои и трав, я увидел двух мертвых деревенских девчушек. Фашистские десантники убили их потому, что девочки просто увидели врага.»

«После окончания полковой школы (было мне тогда лет 18-19) меня назначили командиром взвода девушек-зенитчиц.

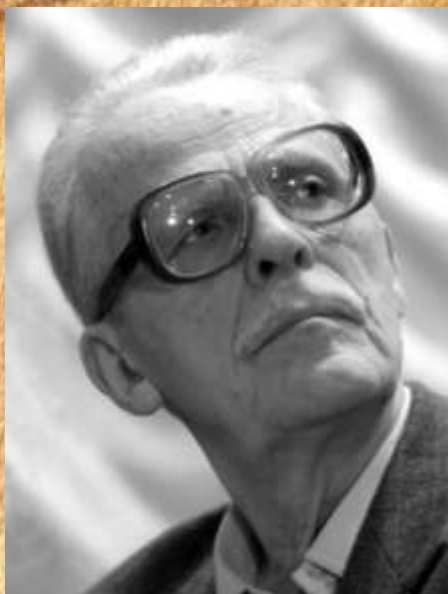

Эти месяцы я вспоминаю, словно самые жаркие дни на фронте: все мои подчиненные были старше меня, авторитет мой признавать соглашались с трудом, многие детали взаимоотношений старшины Васкова с зенитчицами, как говорится, «факт биографии».

«Нету мамы. Война есть, немцы есть, я есть, старшина Васков. А мамы нету. Мамы будут у тех, кто войну переживет. Ясно говорю?»

«А главное, что могла нарожать Соня детишек, а те бы – внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...»

**«- Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев?
- Ну зачем так... Все же понятно, война...
- Пока война, понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось? Почему я фрицев этих дальше не пустил, почему такое решение принял? Что ответить, когда спросят: что ж это вы, мужики, мам наших от пуль защитить не могли! Что ж**

это вы со смертью их оженили, а сами целенькие? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? Да там ведь тоже, поди, охрана, - там ведь людишек куда больше, чем пятеро девчат да старшина с наганом!

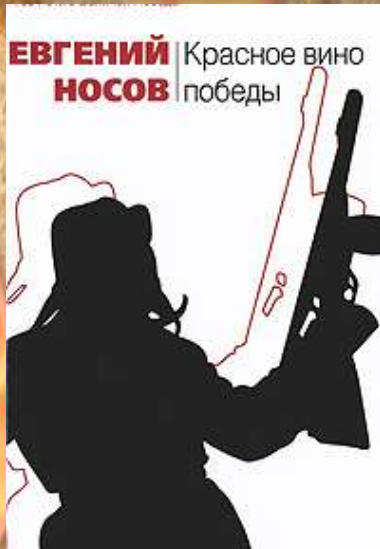
- Не надо, - тихо сказала она. - Родина ведь не с канала начинается. Совсем не оттуда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал.

- Да... - Васков тяжело вздохнул, помолчал...»

Носов Евгений Иванович (1925 – 2002)

В 1943 году в семнадцать лет ушел на фронт. Служил в артиллерии. О своем фронтовом пути вспоминал: *«Как только спала вода и навели понтоны, мы снялись и передислоцировались на южный фас, под Рогачев. Оттуда рванули к Бобруйску, где пылал и смрадно дымился многотысячный немецкий котел. Покончив с котлом, прошли Минск, потом двинулись на Волковыск, Белосток и уже к концу августа вступили в Польшу.*

А в январе повернули на грозные редуты Восточной Пруссии. Бойцы с азартом в лицах, вдохновляющим ощущением успеха и близкой победы рвались вперед, не щадя себя. Но и их тоже не щадили.»

Написать о войне так, чтобы за строками книги не слышны были свист пуль, грохот снарядов, пулеметные очереди, крики боли и отчаяния. Написать тихо, но ясно и мощно, написать с неподдельной и неразделенной скорбью, написать всю правду, которой - сам свидетель. Военная проза Евгения Носова, по словам А. Солженицына, «с горькой горечью всколыхивает... то, что больно и сегодня...»

«В сущности, человек всегда умирает в одиночестве, даже если его изголодьте участливо окружают друзья: отключает слух, чтобы не слушать ненужные сожаления, гасит зрение, как гасят свет, уходя из квартиры, и, какое-то время оставшись наедине сам с собой, в немой тишине и мраке, последним усилием отталкивает челн от этих берегов...»